

И ВСПЫХНУЛО НЕБО ПЕРВЫМ САЛЮТОМ

80-Й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дмитрий БЛЫНСКИЙ
(1932 — 1965)

ТАКОЕ НЕ ПРОСТИТСЯ НИКОГДА

Мне было в том году неполных десять,
Когда пришёл фашист в начале дня,
Чтобы меня в моём саду повесить
Или в моей же хате сжечь меня.

Под детский плач он всё решил заране,
Он всё учёл под орудийный гул,
И окна школы, где цвели герани,
Колючкой ржавой он перечеркнул.

Моя тропинка с зеленью медвяной,
Где от цветов кружилась голова,
Легла от дома к школе чёрной раной
Его противотанкового рва.

Я видел сам со школьными друзьями,
Как у него не дрогнула рука
Свалить, столкнуть, живым засыпать в яме
Учителя, седого старика.

Его штыком мальчишка был заколот
За то, что плакать не имея сил,
Ручонками и ртом — такой был голод —
Мальчишка есть у матери просил.

Нам не забыть — за это мы в ответе, —
Как, обращаясь к мёртвым и живым,
Зывают к мести женщины и дети,
В моем краю расстрелянные им.

Будь русским ты, поляком или немцем,
Будь из норвежцев или из мадьяр, —
Твоих друзей сгонял фашист в Освенцим
И сталкивал под пули в Бабий Яр.

Нам не забыть, пройдя сквозь все тревоги,
Сквозь сто смертей и тысячи обид,
Что он раздавлен в собственной берлоге,
Но он ещё поныне не добит.

Ничто не прощено и не забыто,
А бундесверский Бонн уже готов
Помиловать убийцу и бандита,
Простить его за давностью годов.

Мы знаем всё об этом человеке,
Он не уйдёт от правого суда:
Такое не забудется вовеки,
Такое не простится никогда.

МУЖЧИНА ПЛАЧЕТ...

Георгию Спасову

Ест племянник мой яблоко всласть
И, сжимая, боится — уронит.
А народу вокруг на перроне —
Даже яблоку негде упасть.
Поезд прибыл в Москву из Софии
С ветеранами прошлой войны.

И болгарские речи слышны,
И цветы пламенеют живые.
Машет, машет племянник рукой,
Не поймёт он, что это всё значит:
— Посмотри-ка, мужчина, а плачет,
И к тому же огромный такой...
В первый раз он увидел объятья,
Перевитые руки мужчин:
Житель Плевны и наш смолянин

Обнялись, как законные братья.
Как ему объяснить на вокзале
Про какую-то ту войну,
Где им пальцы рубили в плену
И на спинах слова вырезали.
Где, забыв, что такое слеза,
Лишь сдвигали от мук они брови,
И дымились рубахи от крови,
И горели сухие глаза.

Иван АЛЕКСАНДРОВ (1932 — 2010)

* * *

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули на войне.

Нет, воз тот был не символический,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колёсах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

— Ну, хорошо: давай немного,
Ещё немножко поднажмём! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъём.

Я до сих пор всё это вижу! —
Не вспоминать бы век о том,

Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нём.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду.
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там ещё бредём.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость —
Вряд ли обретём!

* * *

Эхо боя ударяет в уши,
Небо полыхает и дрожит.
По сугробам от Москвы до Зуши
Фриц с горящим факелом бежит.

В деревеньке на глухом откосе,
Ожидая ляха во дворе,
Мы ночами стынем на морозе
В лютом сорок первом декабре.

А теперь, доверчивых дурача,
Знатоки бездумно наплели:
Мол, не так всё было, а иначе —
Был июнь, и ландыши цвели...

ЯБЛОКИ

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко...
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
— Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто,
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.

МАЛЬЧИКИ — СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

Матери моей

Память, память,
Ты порой нелепа.
Помню:
Я — малыш, а рядом мать.
Мне бы корку маленькую хлеба,
Только где её теперь достать?!

Мать.
В её глазах и боль, и жалость,
И губа закушена слегка.
Ласково к щеке моей прижалась
Дрогнувшая матери рука.

— Потерпи, сынок... — шептали губы.
«Потерпи...» — я помню и теперь.
И голодный,
сжав до боли зубы,
Я учился медленно
терпеть.

Дни крутые были у эпохи,
Мы выросли, днями дорожа,
Мы росли, и нас боялись боги,
За седыми тучами дрожа.

Мы росли и оставляли парты —
Мальчики — свидетели войны,
И учились не у школьной парты
Обживать безбрежье целины.
Белый ветер бил в лицо упруго,
Жизнь учила в битвах не сдавать,
Дорожить всегда заботой друга,
Золотом оценивать слова.

АППАССИОНАТА

(баллада)

Он слышал в ней —
и птиц весенних трели,
и выстрелы сверхмощной батареи,
и что-то непонятное,
большое,
зовущее и к жизни
и на бой!
И он бежал к учительнице:
— Что это? —
А дома мать качала головой.
Он с неохотой ехал в дальний город —
скучал по матери,
далекому селу...
Потом профессора негромкий голос:
— У вас, мой мальчик, абсолютный слух.

И он спешил...
Он через месяц ровно
играть её профессору пошёл.
— О нет,
мой мальчик,
это не Бетховен.
Сыграйте-ка мне гамму «до-мажор».
А пальцы продолжали оступаться.
Профессор был спокоен и назойлив,
но он играл,
натруживая пальцы,
не замечая времени и боли!

Война...
Он видел сам,
как из-за леса
на город налетели самолёты
И как лежал недвижимый профессор,

бинтами,
точно саваном,
обмотан...
А рядом —
высеченный из гранита,
взрывною силой сброшенный Бетховен,
казалось,
небу знойному грозит он
своей могучей каменной рукою!

Привыкшие к нагрузке непомерной,
к работе изнурительной и нервной,
чувствительные руки пианиста
освоились с винтовкой очень быстро.
Но снился по ночам не раз солдату
на много тысяч мест концертный зал,
где он играет «Аппассионату»,
и он,
проснувшись,
вытирал глаза.
Он видел столько горя,
столько крови.
Россию и Европу он прошёл,
он немцев бил за немца,
за Бетховена,
как «бил» когда-то гамму «до-мажор».

Он не играл.
Он думал, что, наверно,
ему теперь и гамму не суметь.
Но вот в полуразбитом доме Вены
старинный отыскался инструмент.
Солдаты усмехались:
— Завалющийся!
— Не тронь его —
он сам «сыграет в ящик»! —
Хозяйка дома,

поклонившись низко,
«Сыграйте!» — попросила пианиста.
Он подошёл к роялю неуверенно,
подвинул — тоже старый — венский стул.
Солдаты так затихли, как, наверно,
не замирали даже на посту.
А пианист сидел прямой и бледный,
и руки,
огрубевшие в боях,
вдруг поднялись и с плавностью балетной
тихонько опустились на рояль...
Рояль запел...
Негромко,
старомодно...

И был таким просящим первый звук,
как будто жил рояль сто лет голодный
без этих огрубевших в битвах рук.
Не шелохнувшись,
слушали солдаты,
винтовки почему-то сняв с плеча,
а зал уже гремел «Аппassionатой»,
и мир уже Бетховеном звучал.

А за окном
вставало солнце мая,
и звуки уносились за окно,
и люди все друг друга понимали,
любили и стояли заодно!

Геннадий ПОПОВ (1940 — 2015)

НАКАНУНЕ

Двадцать второе июня —
Тёплая тишина,
Светлое полнолуние,
Тёмный проём окна.
Рек пограничных теченье,
Миг с небольшим до беды...
Вставали, как на ученьях,
Призраки из воды.
Память опять накануне:
Слышен границ набат.
Двадцать второе июня —
Враг не дойдёт назад.

КУРСКАЯ ДУГА

*Памяти Героя Советского Союза,
русского поэта Михаила Борисова*

Стальные метели в полях под Орлом
Июльской порой сорок третьего года
Казалось, сметут всё смертельным огнём...
Россия стояла здесь волей народа.

И злобную силу согнула в дугу
В бою беспощадном, кровавом и лютом.
Здесь выжили мы на погибель врагу!
И вспыхнуло небо первым салютом.

И снова июль... В чистом поле стою,
Под Курском —
на той высоте безымянной,
Где пали солдаты в последнем бою,
А ныне —
в строю под звездой деревянной.

На братских могилах родная земля —
Была и останется нашей веками.
Но кажется мне, что ржаные поля
Теперь колосятся стальными штыками.

На Курской дуге в небывалых боях
Россия сражалась за нашу свободу.

Тогда не дозрели хлеба на полях —
Июльской порой сорок третьего года.

Но Курск и Орёл одолеть не смогла
Чужая броня, что рвалась до Урала.
Бесславно на здешних полях полегла
И в наших мартенах потом догорала.

Игорь КРОХИН (1940 — 1992)

ТЫЛОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Не верещит —
Замёрз сверчок,
До тёплых дней не отзовется.
Наверно, поломал смычок,
А вот починит — и вернётся?
Мать принесла вязанку дров —
Морозный хворост,
Не поленья.
Трещит в печи огонь —
Багров,
С вишнёвым отсветом варенья.
Не потеплело —
Коркой льда
Стекло оконное покрыто,
Ледком подёрнута вода, —
Блестит, как озеро, корыто.
Вода со звонами в ведре,
В пустой кастрюле тоже звонко.
Зима в избе и на дворе,
Но только бы... не похоронка.

ПОБЕДА

Рассыпалась в небе ракета,
Взлетела другая звездой.
Победа...
Победа?
Победа!
А хлеб на столе с лебедой...

Гуляла деревня с восхода,
А к вечеру стало шумней:
Бывалого столько народа
Пылило со станции к ней.

Навстречу гармонь зарыдала
И стихла — и срезался звук.
И в голос одна, молодая,
О встрече, что горше разлук...

Какое же всё-таки счастье,
Забыв о ржаном калаче,
Качаться,

качаться,

качаться

Верхом на отцовском плече.

Владимир ПЕРКИН (1943 — 2002)

ВЯЖИ

Туман окутал рыжие курганы,
Стих ветерок, и гомон птиц затих.
Здесь пронеслись такие ураганы —
На тыщу лет вполне б хватило их.
И потому такая онемелость
И тишина — аж оторопь берёт.
Как будто наревелось, нагрелось,
Навылось здесь на тыщу лет вперёд.
Такой покой...
Сомкнёшь неволью веки
И тихо сердцем вымолвишь одно:
Здесь столько крови пролито — вовеки
Её пролиться больше не должно.

Ещё не раз история расскажет,
Взметая вёрсты огненных дорог,
Про танковый прорыв в районе Вяжей,
Про жаркий бой за хутор Одинок.
Когда от гула землю закачало,
Броня — и та вдруг крылья обрела...
Вот тут споткнулся враг одичалый,
Со сломанной хребтиной —
У Орла!

У ПЯМЯТНИКА

Соловьи как будто ошалели,
День и ночь их пение гремит,
Пулями пробитые шинели
Заменили бронза и гранит.

Я стою, и свет глаза мне режет.
Сердце никогда не отболит.
Где же раньше, спрашиваю, где же
Были вы — и бронза, и гранит?

Почему, когда накрыл собою
Он огонь, летящий из ствола,
Ты его кольчугой боевою
Не прикрыла, бронза, не спасла?

Отчего, когда в глухую полночь
Рвали ногти, болью ослепя,
Ты, гранит, не бросился на помощь —
Что те пытки были б для тебя?

Видно, так ведётся век от века:
Где сдают и бронза, и гранит,
Крепче стали сердце человека,
Если в сердце Родина горит.